Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

48/2-3 | 2007
Les résonances de 1905

«Tak nazyvaemye Russkie»

Hartmund Rüdiger PETER

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/9015>

DOI : 10.4000/monderusse.9015

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 15 avril 2007

Pagination : 427-440

ISBN : 978-2-7132-2147-7

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Hartmund Rüdiger PETER, « «Tak nazyvaemye Russkie» », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 48/2-3 | 2007, mis en ligne le 01 janvier 2007, consulté le 04 septembre 2022. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/9015> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.9015>

Tous droits réservés

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_482&ID_ARTICLE=CMR_482_0427

«Tak nazyvaemye Russkie»

par Hartmund RÜDIGER PETER

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2007/2-3 - Vol 48

ISSN 1252-6576 | ISBN 9782713221477 | pages 427 à 440

Pour citer cet article :

—Rüdiger PETER H., «Tak nazyvaemye Russkie», *Cahiers du monde russe* 2007/ 2-3, Vol 48, p. 427-440.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

ХАРТМУТ РЮДИГЕР ПЕТЕР

«ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ РУССКИЕ»

Изменение типа и самосознания российских студентов в Германии после революции 1905 г.

В дореволюционной России студенты рассматривались своего рода сейсмографом общего состояния общества. Михаил Бернацкий писал в 1910 г. в «Запросах жизни», что общественная и культурная физиономия студентов, их интеллектуальный и моральный уровень выражают духовную сущность будущей интеллигенции и дают объяснение актуальным общественным настроениям¹. В условиях реакционного поворота после революции 1905-1907 гг. Бернацкий диагностировал всеобщий «общественный упадок», который повлиял и на студенчество. Свидетельства этого он видел в дифференциации когда-то преобладавшей левой ориентации, в распространении политического безразличия, в возрастании правых тенденций, а также в усилении антисемитских и антифеминистских тенденций. Наряду с этим он жаловался на ухудшение материального положения: понятия «студент» и «бедность» можно было бы употреблять как синонимы. Несмотря на это, Бернацкий полагал, что эти новые явления не следует переоценивать: в принципе, «новый тип студента» из того же теста и обращен в будущее так же, как и «старый»².

В этой статье исследуется, произошли ли после революции 1905 г. аналогичные изменения также и в российском студенчестве, обучавшемся в университетах и других вузах Западной Европы. При этом исходным пунктом

1. М. Бернацкий, «К характеристике современного студенчества», *Запросы жизни*, 10, 1910, с. 645-646.

2. Там же, с. 652.

является предположение, что исследователи на основании узкой источниковой базы или конкретно-познавательных интересов часто переоценивают степень политизации русского студенческого зарубежья. Это особенно относится к работам, главным сюжетом которых является история революционного движения³. Критикуя эту одностороннюю картину, исследование опирается, в первую очередь, на материал до сих пор мало использованных студенческих газет и журналов, а также неопубликованных архивных источников, таких как донесения немецкой полиции и переписка «Центрального бюро заграничных групп» РСДРП в Париже с социал-демократическими группами поддержки в университетских городах. Следуя положению Клоди Вейл⁴, что русские студенческие колонии в целом представляли отображение ситуации в самой России, автор пытается таким образом определить основные изменения в настроениях и поведении российских студентов-мигрантов после революции 1905-1907 гг.

«Типы» российских студентов в общественном восприятии до начала XX столетия

Прежде всего, следует исходить из того, что мотивы и цели учебы за границей и варианты социального и академического поведения студентов из Российской империи в Западной Европе были разнообразны и подвергались историческим изменениям. Уже поэтому схематическое различие типов студентов едва ли является целесообразным. Сюда следует добавить, что такое дифференцирование по четким критериям (социальное происхождение, конфессия, предметы изучения, членство в студенческих объединениях и политических организациях), может быть осуществлено на основании имеющихся источников, в лучшем случае, для выборочных вузов. С другой стороны, уже в ходе современной дискуссии были сформулированы понятия,

3. Это особенно относится к работам, главным сюжетом которых является история русского революционного движения. См. напр. B. Brachmann, *Russische Sozialdemokraten in Berlin 1895-1914. Mit Berücksichtigung der Studentenbewegung in Preussen und Sachsen*, Berlin: Akad.-Verlag, 1962; K. Brundig, *Die Weimar - Jenaer „Iskra“-Tradition. Russische revolutionäre Studenten in Jena 1898-1914*, Jena: Jena-Information, 1977; K. Czok, «Über die politische Betätigung russischer Studenten der Universität Leipzig in den Jahren 1905-1907», Karl-Marx-Universität Leipzig 1409-1959. Beiträge zur Universitätsgeschichte, Bd. 2, Leipzig, 1959, S. 10-22; D. Dahlmann, «Bildung, Wissenschaft und Revolution. Die russische Intelligencija im Deutschen Reich um die Jahrhundertwende», in G. Hübing, W. Mommsen, eds., *Intellektuelle im Deutschen Kaiserreich*, Frankfurt a.M., 1993, S. 140-157; L. Fritsche, «Die Rolle der russischen Studenten an der technischen Hochschule Dresden in der Zeit von 1900-1914», Diss., Dresden, 1970; P. Müller, F. Brendel, H. Fritsch, «Die Verfolgung fortschrittlicher russischer Studenten in Freiberg (1893-1905)», Berlin, 1959.

4. C. Weill, «Das gesellschaftliche Leben der russischen Studenten in Deutschland 1900-1914», in H.R. Peter, ed., *Schnorrer, Verschwörer, Bombenwerfer? Studenten aus dem Russischen Reich an deutschen Hochschulen vor dem 1. Weltkrieg*, Frankfurt am Main, 2001, s. 94. См. также C. Weill, «Convivialité et sociabilité des étudiants russes en Allemagne 1900-1914», *Cahiers du Monde russe et soviétique*, XXXII (3), juillet-septembre 1991, p. 363.

которые обозначают самые общие изменения в облике и психологии студентов. Сюда добавились стереотипы восприятия «иностранцев» студентов в Германии, с одной стороны, и земляков в западноевропейских вузах в России, с другой стороны. Наблюдавшиеся при этом типы студентов вполне отражали воспроизводимые мотивы и цели учебы за границей и результирующие отсюда манеры поведения. До середины XIX в. образ российского студента за границей в значительной мере формировал так называемый «академический путешественник». Он, как правило, был из хорошей семьи и поступал в университет не для того, чтобы получить диплом, а чтобы повысить свое общее образование. Такие студенты поселялись, прежде всего, в классических университетских городах, таких как Геттинген или Гейдельберг, где их, наряду с великими именами отдельных ученых, привлекали также преимущества культуры и ландшафта или близлежащие курорты. К концу XIX в. этот тип⁵ почти исчезает.

К началу XX столетия студенты из России воспринимались властями и общественностью Германии преимущественно как «анархисты» и «революционеры». Я. Лещинский описывал их как «перелетных птиц», которые, хотя и прослушивали между прочим пару лекции, однако, по большей части, проводили свое время за изучением партийных программ с самого начала были готовы при первой же возможности вернуться в Россию⁶. Соответственно, их пребывание в вузах за границей носило лишь переходный характер, а их организационная работа преследовала преимущественно политические и лишь в меньшей мере академические цели. Этот тип революционно настроенных студентов-мигрантов явно доминировал определял восприятие русских студентов как в Германии, так и в России, что отражается соответствующим образом в источниках. За ними немецкие политические власти наблюдали с большим подозрением. Политическое недоверие определяло также отношение официальной России по отношению к студенческим колониям за границей. Вместо заботы государства они традиционно ощущали лишь постоянный надзор со стороны департамента полиции⁷. Отдельные инциденты способствовали этим предубеждениям и закрепляли их в общественном

5. Мы его встречаем, среди прочего, в обширной литературе о «русском Гейдельберге» или «русской душе» Геттингенского университета. См. напр. А.Ю. Андреев, «Die „Göttinger Seele“ der Universität Moskau. Zu den Wissenschaftsbeziehungen zwischen Moskau und Göttingen im frühen 19. Jahrhundert», *Jahrbuch für Universitätsgeschichte*, 4, 2001, с. 83-101; W. Birkenmaier, *Das russische Heidelberg. Zur Geschichte deutsch-russischer Beziehungen im 19. Jahrhundert*, Heidelberg: Das Wunderhorn, 1995; T. Maurer, «Balten, Polen, Juden – und strebsame Frauen. Die „russischen“ Studenten Göttingens um die Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert», in E. Mittler, S. Glitsch, eds., *Russland und die „Göttingische Seele“ – 300 Jahre*, SPb.-Göttingen: Niedersächsische Staats- und Univ.-Bibliothek, 2003, S. 453-473.

6. Я. Лещинский, «Из материалов одной студенческой анкеты», *Русская мысль*, 7, 1914, с. 119.

7. См. А.Е. Иванов, «Russische Studenten an deutschen Hochschulen am Ende des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts anhand von Archivmaterial des Polizeidepartements», in H.R. Peter, N. Tikhonov, eds., *Universitäten als Brücken in Europa // Les universités : des ponts à travers l'Europe*, Frankfurt/Main: Lang, 2003, p. 261-246.

сознании. Широкий отклик в прессе вызвали, например, убийство русского министра просвещения Боголепова берлинским студентом Карповичем в феврале 1901 г. На Кенигсбергском процессе 1904 г. утверждалось, что студенты причастны к контрабанде революционной литературы.⁸ Дискуссии об этом занимали даже Германский рейхстаг. В Йене присутствие студентов из России на трибуне для гостей партийного съезда СДПГ в сентябре 1905 г. и их аплодисменты после речи Августа Бебеля послужили поводом для политических подозрений.⁹

Наряду с «политическими активистами», в начале XX в. внимание общественности вызывали поступающие во все большем количестве в вузы и добивавшиеся социального успеха выходцы из менее привилегированных слоев населения. В особенности в технических вузах, но также и на и медицинских факультетах университетов имелось значительное число учащихся из Российской империи, близких к этому типу. Эти «студенты ради хлеба»¹⁰, как их называли в Германии, часто были не в состоянии вести «достойную» студенческую жизнь. Для них была характерна целеустремленная учеба, и они менее увлекались общественной деятельностью. Часто они уже имели диплом русского вуза и отправлялись за границу для приобретения дополнительной квалификации. К этому типу студентов¹¹ относились, в особенности, евреи: избрав путь академической эмиграции, они т.о. обходили количественное ограничение для евреев, введенное в российских вузах, и с помощью дипломов надеялись преодолеть социальную дискриминацию в России. Часто им было трудно собрать даже необходимые средства для оплаты учебы, проживания и пропитания. Их прилежание и дисциплина вызывали не только удивление, но и использовались для подтверждения упрека в том, что они являются «неподходящими элементами» для учебы в вузах. На таких «нищих» студентов в Германии смотрели с недоверием: «Немецкий Михель констатирует “русский дух”, – сообщал корреспондент одной петербургской студенческой газеты, – и встречает его с боязнью западной буржуазии перед вторжением санкюлотов»¹².

8. Подробнее см. K. Eisner, «Der Geheimbund des Zaren. Der Königsberger Prozess wegen Geheimbündelei, Hochverrat gegen Russland und Zarenbeleidigung vom 12. bis 25. Juli 1904. Nach den Akten und stenographischen Aufzeichnungen mit Einleitungen und Erläuterungen», Berlin, 1904.

9. Подробнее см. K. Brundig, указ соч.

10. Нем. „Brotstudenten“

11. Они показательно описаны в биографических работах Я.Н. Шапова об учебе его отца в Дармштадте и Цюрихе. См. Я.Н. Шапов, «Русские студенты в западноевропейской высшей школе в нач. XX в.», *Ист. Записки* (115) 1987, с. 193-203; Н.М. Шапов, «Я верил в Россию», М., 1998, с. 203-219.

12. «Русские за границей: (зарубежный очерк)», *Студенческие годы*, СПб., 1913, с. 15-16.

Описания современников: «Ненормальные» отношения в русской колонии

Когда в Германии в 1911-1912 гг. споры вокруг «вопроса об академических иностранцах»¹³ приняли качественно новый характер и министерства просвещения в Баварии, Пруссии и Саксонии распорядились об ужесточении ограничений на прием в вузы граждан подданных Российской империи, в России консервативные газеты, от официозной «России» до антисемитской «Земщины» резко отвергали требования большей заботы государства о земляках в немецких вузах. «Вся орда – сплошные революционеры», – писала «Россия» и аплодировала западноевропейскому обществу, которое справедливо протестовало против этих чужаков. С русским народом это «лишенная культуры орда» не имела, якобы, ничего общего. Эти студенты, по ее мнению, лишь покрывают позором доброе имя русских¹⁴.

Описания современников и собственные свидетельства студентов ставят под вопрос предположение, что образ российских студентов за границей в период после революции 1905-1907 гг. формировался молодыми революционерами и «анархистами». В особенности, студенческая пресса сообщала о принципиальной смене настроений. Это следует проиллюстрировать несколькими примерами. «Ненормальные» отношения в русской колонии еще в 1907 г. констатировались в одном письме из Вены, направленном в «Студенческий голос» в Одессе. Его отправитель жаловался на пропасть между пролетарскими мигрантами и студентами. Нет ни одного читального зала, где могли бы встретиться и те, и другие. В то время как еще не так давно молодые студенты были рады поделиться с рабочими знаниями и выводами, теперь они проводят свое свободное время в дорогих кафе¹⁵. Московский «Голос студенчества» описывал возрастающее удаление студентов от политической эмиграции. Большинство уехало за границу исключительно для того, чтобы учиться без помех, и только часть – в качестве эмигрантов. Газета также констатировала социальные изменения с далеко идущими последствиями для духовного облика студентов: Так как приезд и сама учеба стоят дорого, стали преобладать выходцы из более состоятельных семей. Вне связи с нуждами российской действительности отсутствует живой интерес к проблемам, выходящим за рамки учебной программы, и господствует полное безразличие к социальным проблемам времени. Бурлящей студенческой жизни, которая дала стране многих энергичных политических активистов, больше не существовало¹⁶. В 1911 г. в своем новогоднем выпуске газета описала «печальную картину» жизни студенчества за границей. В то время как студенты в России после смерти

13. Нем. «Akademische Ausländerfrage»

14. *Россия*, 18.7.1912

15. «Письма из Вены: из жизни русской колонии», *Студенческий голос*, 9.11.1907.

16. «За границей», *Голос студенчества*, 7.10.1910

Толстого и событий в Вологде были охвачены волнениями, парижская колония празднует Новый год и даже не организывает сбор пожертвований¹⁷.

И в других статьях отображалось падение революционного духа студентов в Западной Европе. Если, согласно «Студенческому миру», в швейцарских центрах эмиграции, однако, все еще имелись связи с политическими эмигрантами, то в Париже упадок колоний зашел так далеко, что перенимались максимумы мелких французских буржуа, а часть студентов даже забыла дорогу в университет.¹⁸ Студент-историк Пушкарев удивленно констатировал по прибытии в Гейдельберг, что большинство студентов, вопреки его ожиданиям, были сыновьями богатых еврейских купцов и предпринимателей, а не, как он ожидал, политическими эмигрантами.¹⁹ «Гаудеамусу» не хватало в жизни колоний, объединяющего социалистического и революционного интереса, пульсирующей жизни с собраниями, рефератами, кружками пропаганды и самообразования: студенчество стало аполитичным, докладчики выступают перед пустыми залами, партийную литературу едва ли еще можно распространять, а в революционные организации приходит мало пополнения. Уже почти считается дурным тоном быть социал-демократом или социалистом-революционером. В качестве преобладающего типа студента газета описывала «зубрилку», чьими «альфа и омегой» был быстрый путь к диплому. Согласно этому сообщению, деятельность студенческих организаций ограничивалась материальными вопросами. В заключение констатировалось общее понижение интеллектуального уровня студентов. Говорилось, что больше нет серьезного научного интереса, и самостоятельно работающие студенты являются редкостью²⁰. И в сообщениях из Праги, Неаполя и других городов говорилось о сокращении деятельности или даже распаде студенческих организаций. На собраниях колоний едва ли еще достигался необходимый кворум. Даже кассы взаимопомощи владели (как говорилось в отдельных случаях, из-за высокого уровня жизни многих студентов) жалкое существование²¹.

Эти изображения всеобщего упадка политической и общественной жизни в общероссийских студенческих колониях дополнялись наблюдением все большей дифференциации студенчества по национальному признаку. По мнению сообщавших, речь не шла о том, что политическая работа среди молодежи учитывала национальные особенности и интересы, или, что польские, еврейские и армянские социалистические партии набирали себе смену среди студенчества. В то время как в 1904-1905 гг. эта «национальная окраска» социального и политического движения не мешала совместной работе, теперь ситуация совершенно иная. Как писал корреспондент «Голоса студенчества» в 1911 г., больше нет совместных общественных

17. Там же, 12.1.1911.

18. К.С. Михеев, «Русское студенчество за рубежом: (из недавних впечатлений)», *Студенческий мир*, 8.2.1910, 15.2.1910.

19. С.Г. Пушкарев, «Воспоминания историка, 1905-1955», М., 1999. с. 34.

20. В.М. «Российское студенчество за границей», *Гаудеамус*, 1911. № 3. с. 13-14.

21. «За границей», *Голос студенчества*, 28.10.1910.

перспектив и культурных усилий, которые объединяли молодежь различных национальностей. В моменты общественного подъема молодежь еще отвергала национализм. Теперь национальное чувство становится глуже, национальный романтизм исчезает и остается национальный реализм.²²

Таблица 1
Российские студенты в университетах Галле и Лейпциг
(в летнем семестре)²³

	1895	1900	1905	1910	1914
Университет Галле	42	25	44	142	114
Среди них евреи	2	0	14	85	78
Ереи в %	4,76	0,00	31,82	59,86	68,42
Университет Лейпциг	52	78	138	204	283
Среди них евреи	9	20	54	98	190
Ереи в %	17,31	25,64	39,13	48,04	67,14

Наиболее очевидная тенденция этой «национализации», несомненно, состояла в фактическом выходе национально настроенных еврейских студентов из общероссийских студенческих колоний²⁴. Основа этого была заложена продолжавшейся с 1910 по 1914 г. волной оснований российско-еврейских студенческих объединений в немецких вузах, все большее число которых признавали себя сторонниками сионизма. Согласно опросу берлинского журнала «Еврейский студент», в 1913 г. в больших академических центрах в среде еврейского студенчества числилось до трех-четырех организаций, среди них, как правило, были внепартийный читальный зал, беспартийное культурное объединение, сионистский союз и касса взаимопомощи²⁵. Внепартийные еврейские национальные объединения в десяти исследованных университетских городах (Гейдельберг, Дармштадт, Кенигсберг, Лейпциг, Мюнхен, Страсбург, Фрейбург, Базель, Цюрих и Грац) насчитывали в целом 420 членов. Это соответствовало 24% всех учившихся там российских евреев. Сюда следует добавить сионистские объединения со 127 студентами в девяти из десяти студенческих колоний²⁶.

Когда российское студенчество с целью защиты своих академических прав в немецких вузах предприняло в 1912-1913 гг. попытку соединиться в одном общеимперском объединении, произошло довольно серьезное столкновение интересов национальных групп. Еврейские националистические группы

22. Р.В., «О национализме еврейской молодежи», *Голос студенчества*, 4.11.1910.

23. Составлено А. де Боором (A. de Boor) по данным университетских архивов.

24. Подробнее см. H.R. Peter, I. Savinova, «Russisch-jüdische Studenten in Deutschland – Netzwerke einer sich formierenden intellektuellen Elite (1900-1914)», *Jahrbuch des Simon-Dubnow-Instituts Band 5*, Göttingen, 2006, S. 231-253; C. Weill, «Russisch-jüdische Studentenvereine in Deutschland 1900-1914», Peter, Tikhonov, *Universitäten als Brücken...*, S. 229-240.

25. «Наша анкета», *Еврейский студент*, 2, 1913.

26. Там же.

с самого начала или отсутствовали на Конгрессе российских студентов в Карлсруэ, проходившем с 22 по 28 февраля 1913 г.²⁷, или выступали там за создание отдельной еврейской национальной студенческой организации. Несмотря на это, великорусско-националистически настроенные студенты русского землячества в Берлине, объединившиеся вокруг Максимилиана фон Хамма, протестовали во время подготовки конгресса и в Карлсруэ против доминирования евреев в студенческих объединениях. Для этих «истинных русских» недовольствие немецкой общественности, вполне в стиле «России» или «Земщины», было направлено против еврейских, а не русских студентов. В начале марта 1913 г. в Дармштадте сформировалось немецкое отделение международного союза объединений еврейских студентов «Хеховер». Умеренно националистические еврейские студенты объединились на русско-еврейско-западноевропейском студенческом съезде в Цюрихе, проходившем с 7 по 14 марта 1913 г., в собственную организацию²⁸. Таким образом, попытка улучшения организационного координирования защиты от растущего давления в немецких вузах, в конечном счете, закончилась разъединением.

Студенческие анкеты и студенческая пресса: «Старые традиции забыты»

Изменения в студенческих колониях описывались не только в сообщениях современников. Результаты различных опросов среди российских студентов, которые, как и в самой России, с 1909 г. стали модными и в западноевропейских университетских городах, подтверждали такие субъективные впечатления. К сожалению, сохранилось очень мало материалов этих опросов. Грановский опирался в своем докладе на Конгрессе врачей им. Пирогова в 1913 г. на исследование, проведенное по поручению «Комитета по защите интересов студентов из России в Германии». Правда, он цитировал лишь данные о количестве студентов и их распределении по немецким университетам и вузам, но не касался изменений в их облике и их привычках в сфере обучения и повседневной жизни²⁹. Студенческая газета «Голос студенчества» сообщала в 1910 г. об опросе студентов в Лозанне. Там было выдано 300 анкет, но заполнено лишь 50. Уже этот незначительный отклик был расценен как показатель настроения в колонии: «Старые традиции забыты, а новые интересы не выходят за рамки мещанства»³⁰. Конкретных результатов опроса в статье, к сожалению, не содержалось.

Более обширные данные об опросе в мюнхенской студенческой колонии зимой 1911 г. были опубликованы Лещинским в серии статей для «Нового вос-

27. Сообщение тайного агента полиции от 11.03.1913. Archiv der Humboldt-Universität Berlin. Universitätsrichter, № 3095, л. 141-158.

28. Сообщение тайного агента полиции, там же, л. 160-168.

29. Л. Б. Грановский, «О положении русской учащейся молодежи, в частности студентов медицины в высших учебных заведениях Германии», *Общественный врач*, 8, 1913, с. 944.

30. *Голос студенчества*, 11.11.1910.

хода»³¹ и в одной статье для «Русской мысли»³². Здесь из 500 выданных анкет со 104 вопросами были возвращены 235. Результаты побудили Лещинского сделать вывод о серьезных изменениях, произошедших в студенческих колониях в Германии за последние 8 лет: до революции 1905 г. они были лишь «временными квартирами». Их обитатели жили в ожидании скорой победы революции в России, которая освободит их от «кочевания» по европейским городам. Современная ситуация стала совершенно иной: «перелетные птицы» были редкостью. Вновь прибывшие студенты настроены на продолжение своей учебы за границей до завершения. Большой срок их пребывания за границей и отсутствие надежды на изменения в России вызвали ослабление их связей с родиной. Эти студенты, скорее, готовы постигать немецкую культуру и адаптироваться к жизни за границей. Это культурное сближение он рассматривал как основу нового восприятия «русских» местным населением: немцы больше не смотрели на них только как на никчемных чужаков и бомбометателей. Другие данные опроса в Мюнхене также подтвердили изменения, произошедшие в студенчестве. Так, например, ответы показали довольно продолжительное время пребывания студентов в стране – более половины учились здесь уже два года и более³³, что может расцениваться как свидетельство более серьезных академических интересов. Лишь 29 опрошенных указали, что читают нелегальную литературу. 170 из 230 посещали, однако, политические доклады. С другой стороны, 200 из 214 регулярно посещали театр, более половины из них, по крайней мере, еженедельно³⁴. Культурные интересы и стремления к развлечениям, по-видимому, успешно конкурировали с политическими склонностями. Ответы на вопросы о политических интересах, хотя и подтверждают по-прежнему преобладание социалистической ориентации, однако также свидетельствуют о тенденции к изменению мнений после революции 1905 г., причем, как раз, еврейские и польские студенты усиленно обращались к национальным идеям³⁵. Таким образом, материал данных из Мюнхена подтверждает субъективные наблюдения и в этом отношении.

Прусская полиция: «Движение русских ослабло»

Изменения поведения и интересов студентов из России в немецких вузах видны также из сообщений тех немецких властей, которым был поручен надзор за ними. Немецкая полиция и после 1905 г. придерживалась определения российских студентов как «анархистов» и «бомбометателей». Тем неожиданнее были результаты исследования, проведение которого было инициировано

31. Я. Лещинский, «Об одной студенческой анкете», *Новый восход*, 17.11.1911, 24.11.1911, 15.12.1911.

32. Его же, «Из материалов одной студенческой анкеты», *Русская мысль*, 7, 1914, с. 118-144.

33. Там же, с. 126.

34. Там же, с. 130-131.

35. Там же, с. 133-138.

прусским Министерством внутренних дел летом 1910 г. Управлениям полиции университетских городов Берлина, Кенигсберга, Галле и Бреслау было предписано собрать обвинительный материал, касающийся «количественного и активного участия российских студентов в (...) социал-демократических и социал-революционных устремлениях», так как «крайне желательно, если бы можно было интенсивнее, чем ранее, противодействовать их поступлению в прусские университеты, в особенности, в Берлине».³⁶

В середине августа в Берлине были получены ответы³⁷. Правда, они не оправдали ожиданий Министерства внутренних дел. Например, из Галле сообщалось, что русские объединения не проводят никаких собраний и не получают почтовых отправок. Прочее общение русских, среди которых нет эмигрантов, происходит непринужденно в дорогих пивных. Ни один из обучающихся здесь русских не поддерживает связи с местными анархистами и социал-демократами, и не участвует в их сходках и не поддерживает их устремлений. И начальник полиции Бреслау сообщал, что в отношении обучающихся там русских «не было сделано наблюдения, позволяющего сделать вывод об их участии в анархистских, социал-демократических и социал-революционных устремлениях». А обер-президент провинции Восточная Пруссия писал: «Со времени произошедшего в 1906 г. роспуска объединения «Максим Горький» и мне ничего не известно о социал-революционных устремлениях русских студентов». Берлинское полицейское управление прислало обширное сообщение, в котором были систематизированно приведены все значительные происшествия политического характера, а также список всех подозрительных студентов³⁸. Но и оно пришло к выводу, что с 1907 г. здешнее движение русских значительно ослабло, что частично можно объяснить неудачей русской революции, а частично вмешательством здешней полиции, благодаря которому почти все здешние революционные организации русских постепенно прекратили свое существование». С 1909 г. в «Берлинском полицейском округе общественных организаций революционных русских больше не существует. И можно предположить, что в этом полицейском округе исчезли и тайные организации». Таким образом, берлинская полиция дала учащимся положительную оценку. «В последние годы они намеренно все больше и больше отходили от политической деятельности», так как высылка нанесла бы им гораздо больший ущерб, чем прочим оторванным от родины русским революционерам³⁹. Тем самым, все четыре опрошенных полицейских управления Пруссии подтвердили, что в отличие от времени до революции 1905-1907 гг. больше не могло речи о вызывающих озабоченность революционных настроениях в российских студенческих колониях.

36. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz Berlin, Rep. 77, Tit 46, Nr. 40. Bd. I, Bl. 9.

37. Там же, Rep. 76 Va. Sektion 1, Tit. VII, Nr. 78, Bd. III, Bl. 276-279.

38. Этот список, к сожалению, не сохранился в архиве.

39. Там же.

К похожим оценкам пришла и полиция других немецких земель. В Саксонии с начала 1907 г. предпринимались большие усилия, чтобы доказать, что студенты из России помогали немецкой социал-демократии во время выборов в рейхстаг. Целью этой акции, по мнению «Саксонской рабочей газеты», был поиск повода для «уже давно желанной травли русских»⁴⁰. Однако, ни из Лейпцига, ни из Фрейберга не удалось получить доказательств политической деятельности студентов⁴¹. Правда, в Дрездене состоялся процесс против студентов из России, однако он закончился в июне 1907 г. оправданием обвиняемых⁴². В 1909 г. вновь вызвал переполох так называемый «Дрезденский процесс против тайного союза», произошедший после того, как у одного студента техникума в Миттвайде были найдены список с адресами групп поддержки РСДРП и протоколы съезда этих групп, проходившего в декабре 1908 г. в Базеле. Полиция и прокуратура надеялись, что смогут доказать связь студенческой среды с революционной эмиграцией и немецкой социал-демократией. Однако, результаты расследования оказались скромными. Процесс закончился мягким приговором. Главные обвиняемые Пескин и Гринблатт были осуждены за «участие в преступном тайном обществе» на два месяца тюрьмы каждый, а трое других обвиняемых приговорены к срокам заключения от шести недель до одного месяца. Все сроки были отбыты во время предварительного заключения, так что осужденные были лишь высланы из Саксонии⁴³. Однако, саксонская полиция воспользовалась ситуацией, чтобы как следует дисциплинировать оставшихся в Дрездене студентов из России. Им пригрозили закрытием академического читального зала в случае его использования в своих целях социал-революционными элементами. Подписка на социал-демократические газеты и книги была запрещена. Руководство читального зала следовало заменить элементами, не вызывавшими подозрения в политическом отношении⁴⁴.

Корреспонденция групп поддержки РСДРП: Безнадежное состояние политической работы

Последний источник, к которому мы здесь обратимся, сообщения групп поддержки РСДРП, адресованные руководителю Чичериным «Центральному бюро заграничных групп» в Париже. Они поразительным образом подтверждают отчеты о расследованиях немецкой полиции и впечатлении современников о безнадежном состоянии политической работы в студенческих колониях. Так, хотя из переписки с саксонской столицей Дрезденом и следует, что там

40. «Schamloses Denunziantentum», *Sächsische Arbeiter-Zeitung*, 15.02.1907.

41. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 192, оп. 1, д. 247 (= *Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden. Außenministerium. N 4803*). л. 19, 23.

42. Там же, л. 35-36.

43. Там же, № 11013, л. 145-147.

44. Там же, л. 147.

до «процесса против тайного союза» действительно существовала активная социал-демократическая группа, отъезд ее ведущих членов после процесса и упомянутое давление полиции привели к ее полному распаду. В одном из писем автор жаловался, что в Дрездене, кроме его самого, больше нет социал-демократов. В студенческой колонии, по его словам, теперь господствует публика, единственным идеалом которой являются деньги. Эти люди подчинили своим потребностям и читальный зал, и боязливо стремятся засвидетельствовать, что с их стороны не следует опасаться революционных устремлений⁴⁵. В одном сообщении из Йены студенты описываются как прилежные и не интересующиеся политикой. Они настолько заняты своими научными работами, что им больше не остается времени для политики. А студенческий союз высказался против всякой партийной работы, не интересуется социально-политическими темами и хотел бы выписывать только такие газеты и журналы, как «Речь», «Русские ведомости», «Русское богатство» и «Современный мир». На доклады, которые должны проводиться в квартирах студентов, не собирается и десяти слушателей. Даже простые сборы денег в пользу ссыльных представляют проблему⁴⁶.

Такой же безнадежной была ситуация в Лейпциге. Из одного сообщения следует, что в городе жили около 700 россиян, среди них – около 500 студентов. Несмотря на это, к группе поддержки РСДРП принадлежали только 11 членов, которые все были студентами. Эта маленькая группа была единственной сплоченной силой в колонии и, во всяком случае, внесла решающий вклад в возрождение Российского Академического Ферейна. Связи с политической эмиграцией, однако, фактически не было⁴⁷. Это также подтверждает немецкий историк Сигфрид Хойер, причем он ссылается, кроме университетского архива, особенно на материал саксонской полиции и мемуары Осипа Пятницкого⁴⁸. Аналогичные сообщения прибывали также из других городов. Так, один корреспондент бюро сообщал из Гейдельберга о расколе внутри студенческой колонии. Вообще трудно стало организовывать доклады и сборы денег для партии, хотя власти и полиция вряд ли бы смогли помешать, если бы в колонии были другие настроения. Согласно печальному итогу, во время летнего семестра 1910 г. не состоялось ни одного мероприятия⁴⁹. А социал-демократической группе Дармштадского высшего технического училища даже пришлось, как следует из другого письма, датированного январем 1909г., разбираться с угрозами бойкота балов и увеселительных вечеров со стороны

45. РГАСПИ, ф. 276, оп. 2, д. 205, л. 10-13.

46. Там же, л. 1-9.

47. Там же, д. 208, л. 3-4.

48. S. Hoyer, «Studenten aus dem zaristischen Russland an der Universität Leipzig 1870/1914», in H. Lück, B. Schildt, eds., *Recht – Idee – Geschichte. Beiträge zur Rechts- und Ideengeschichte für Rolf Lieberwirth anlässlich seines 80. Geburtstages*, Köln / Weimar / Wien 2000, S. 440-442.

49. РГАСПИ, ф. 276, оп. 2, д. 167, л. 12-18; д. 1939, л. 1-20.

сокурсников, так как они, по их словам, использовались лишь для того, чтобы «залезть в карман любезным людям»⁵⁰.

Заключение

Проанализированный материал отчетливо показывает, что и в российском студенчестве не только внутри Империи, но также в университетах и вузах Западной Европы после революции 1905-1907 гг. произошли заметные изменения. Они касались как мотивов и целей их учебы за границей, так и их академического и социального поведения, их политических интересов и деятельности их организаций. По-прежнему преобладавший в официальном восприятии тип революционной «перелетной птицы» в реальности уступил место целеустремленному «зубрилке» и охотнику за дипломами, который стремился к быстрому завершению учебы. Представление этих, по большей части, еврейских студентов, больше не были непосредственно связаны с успехом социальной революции в России, которая открыла бы им всем путь к национальному равноправию. Часть из них следовала стратегии успешной профессиональной и социальной карьеры в России посредством индивидуального обретения академического звания. Другая часть видела перспективу в своем участии в еврейском национальном движении, причем все более избираемым вариантом был сионизм и подготовка к деятельности в Палестине.

Следствием таких изменений была смена настроений в студенческих колониях. Они были все менее тесно связаны с ритмом политической и социальной жизни в России. Индивидуальные интересы и склонности играли все большую роль. Возрастала готовность к открытости в отношении культуры и общества страны обучения. И деятельность студенческих объединений становилась все более разнообразной. Ее центр тяжести сместился в направлении удовлетворения материальных, духовных и культурных потребностей. Одновременно все большая «национализация» приводила к противоречиям и усилению центробежных тенденций, которые также находили свое отражение в организационных структурах. Таким образом, возникает вопрос, могла ли вообще еще идти речь о «российских» студенческих колониях.

Сравнение студентов за границей со студенчеством в самой России показывает, прежде всего, что имелись параллельные изменения в составе, академическом поведении и политической ориентации. Тип студента, учащегося ради заработка, и «зубрилки» все больше выходил на передний план точно так же, как в России «академист». У обеих групп можно наблюдать отчетливую склонность к преследованию индивидуальных целей и стратегий. Политическая среда была менее однородной, особые национальные интересы сильнее выступали на передний план. Правда, представляется, что некоторые аспекты изменений были выражены за границей сильнее. Это касается

50. Там же, д. 171, л. 5-6.

как тенденций индивидуализации студенческой жизни, так и переориентации общих политических идеалов, связанных с революционным переломом в России, вплоть до собственных интересов национальных групп. Здесь, конечно, решающую роль играл этническо-конфессиональный состав российских студентов за границей: преобладание представителей меньшинств, подвергавшихся национальной дискриминации. Одновременно, более либеральные общественные условия создавали более благоприятные предпосылки для таких процессов дифференциации.

*Departement of History,
Martin-Luther-University Halle-Wittenberg*

hartmut.peter@geschichte.uni-halle.de